

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 811.512.145
doi: 10.17223/19986645/94/1

Тематические группы инвективных заимствований из русского языка в татарской художественной литературе XX в.

Диляра Касимовна Вахитова¹

¹ *Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
Казань, Россия, dilik15@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются инвективные заимствования из русского языка в произведениях татарской литературы XX столетия. В ходе анализа выделяются семь основных тематических групп инвектив, сравнивается частота их использования в работах татарских писателей на протяжении всего исторического периода. Полученный состав инвектив анализируется с функциональной точки зрения. Материал, рассматриваемый в статье, может быть использован для последующих исследований в области татарского языка и литературы.

Ключевые слова: татарский язык, русский язык, инвективная лексика, заимствование, татарская литература, тематическая группа, функция

Для цитирования: Вахитова Д.К. Тематические группы инвективных заимствований из русского языка в татарской художественной литературе XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 5–22. doi: 10.17223/19986645/94/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/1

Thematic groups of invective borrowings from the Russian language in the Tatar fiction of the 20th century

Dilyara K. Vakhitova¹

¹ *Kazan State University of Architecture and Engineering,
Kazan, Russian Federation, dilik15@yandex.ru*

Abstract. The article aims to identify invective borrowings from the Russian language in Tatar fiction, to form and analyze thematic groups of invective borrowings. The material base of the study was the works of Tatar writers of the 20th century. The study was conducted using a comparative, interpretative and contextual analyses, and other methods. As a result, more than 160 cases of using invective vocabulary borrowed from the Russian language in the Tatar literary text were identified. This number is explained by the fact of close interaction of the two languages on the territory of the Republic of Tatarstan. The following thematic groups of invective borrowings from the Russian language were formed (in order of their frequency of use in the text): (1) gen-

eral invective borrowings; (2) negative traits of character and behavior; (3) socially disadvantaged groups; (4) age characteristics; (5) social status, origin; (6) sending somebody to the devil/hell, etc. (7) nationality. The results of the analysis indicate that literary characters most often use invective borrowings from the Russian language primarily to express a negative attitude towards another person and criticize their character or behavioral traits, which is the main purpose of invectives in speech. The topic of nationality is represented least of all, which is due to the predisposition of the Tatar people to use not the borrowed vocabulary, but invective units from the vocabulary of their native language. The results of the study allowed drawing a number of conclusions. 1. In each analyzed literary work, invective borrowings from the Russian language are presented in various amounts. The results of the comparative analysis show that the number of borrowings used in Tatar literature has not changed over the course of the century. 2. The analyzed invective borrowings are distinguished by a wide range of functions. 3. It is important to emphasize the special role of the context, due to which any word can acquire a negative connotation and be used in an invective function. In conclusion, it should be noted that statements containing invective borrowings make the speech of the characters more emotional and contribute to a more accurate and understandable expression of feelings for the reader.

Keywords: Tatar language, Russian language, invective vocabulary, borrowing, Tatar literature, thematic group, function

For citation: Vakhitova, D.K. (2025) Thematic groups of invective borrowings from the Russian language in the Tatar fiction of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 5–22. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/1

Введение

Инвективная лексика представляет собой значительный пласт словаря, имеющийся в каждой языковой культуре. Это обусловлено тем фактом, что человек, как представитель любой национальной культуры, имеет потребность в выражении своих отрицательных эмоций, чувств и мыслей в отношении другого человека или какой-либо ситуации. Инвективная лексика способствует достижению материализации эмоций. Ввиду того, что инвектива реализует важную функцию выражения отрицательного отношения к инвектуму, прослеживается возросший интерес к данному пласту лексической системы со стороны ученых. На сегодняшний день лингвисты исследуют инвективу с позиции различных отраслей лингвистики, охватывая при этом множество аспектов. Так, в лексикографическом аспекте исследование и анализ инвективной лексики и фразеологии представлены в работах таких зарубежных ученых, как С. Ruiz García [1], J. de Dios Luque, A. Pamies, F.J. Manjón [2], Н. Pfeiffer [3], Н. Rawson [4] и др. Инвективная лексика в лингвокультурологическом плане широко рассматривается в научных трудах отечественных лингвистов Н.С. Заворотичевой [5], А.Ю. Позолотина [6] и др. Инвектива с точки зрения прагматического и функционального подхода анализируется в работах О.П. Королевой [7], Е.В. Михальковой [8] и др. Таким образом, многоаспектность изучения данного слоя лексики, а также многочисленность исследований в этой области позволили выделить инвектологию как направлению языкознания, которое занимается проблемой инвективной лексики и фразеологии.

Данная сфера является актуальной не только для лингвистов, занимающихся исследованиями в рамках русского и иностранных языков, но и для ученых, изучающих проблемы языков народов Российской Федерации. На современном этапе инвективная лексика подвергается научному рассмотрению во многих языках народов, проживающих на территории Российской Федерации, к примеру, эмоционально-оценочная лексика в чувашском языкознании раскрывается в трудах Ю.Н. Исаева [9], коммуникативное поведение удмуртов рассматривается в научном исследовании Т.Н. Русских [10] и др.

В татарском языкознании инвективная и эмоциональная лексика также подвергается многоаспектному научному исследованию такими учеными, как Г.Р. Галиуллина [11], Ф.И. Тагирова [12] и др.

Объектом настоящего исследования являются тематические группы инвективной лексики, заимствованной из русского языка, которые были выявлены в ходе анализа произведений татарской литературы XX столетия. Выбор заимствований только из русского языка они представлены в наибольшем количестве в татарском художественном тексте.

Заимствования тесно связаны с темой переключения кодов, обусловлен тем, что актуальной в таком смешанном этноязыковом регионе, как Республика Татарстан. Отметим, что переключение кода часто зависит от контекста.

Материалы и методы

В процессе исследования материальной базой послужили эмоциональные высказывания литературных героев в художественных трудах таких татарских писателей XX столетия, как Х. Такташ, Г. Камал, Ф. Бурнаш, Г. Исхакий, М. Магдеев, Ф. Амирхан, Г. Ахунов, Н. Гыйматдинова, Г. Тукай, Т. Айди, Т. Галиуллин, А. Гилязов, Ф. Садриев, М. Гафури.

Исследование проводилось с использованием таких основных лингвистических методов, как сравнительно-сопоставительный анализ, интерпретативный анализ, контекстуальный анализ. Данные методы применялись для выявления специфики использования инвективной лексики в рассматриваемых произведениях XX в. Таксономическое описание использовалось для выделения тематических групп инвективных заимствований из русского языка. На основе количественного анализа был определен наиболее употребимый состав инвектив в речи героев татарских произведений.

Результаты

В ходе исследования количественный анализ позволил выявить более 160 случаев использования инвективной лексики, заимствованной из русского языка в татарском художественном тексте, и сформировать основные тематические группы.

Мы придерживаемся точки зрения татарского лингвиста Э.М. Ахунзянова, согласно которой под тематической группой понимается «объединение слов, обозначающих определенные группы самих реалий, например названия частей тела и т.д.» [13. С. 248–249].

Выделяется ряд тематических классификаций, разработанных такими исследователями в области инвектологии, как В.И. Жельвис, А.Ю. Позолотин и др. Тематическая классификация, выдвинутая В.И. Жельвисом, применима для инвективной лексики большинства языков. Он различает такие тематические группы, как богохульства, зоосравнения, ругательства на тему крови и др. [14. С. 221].

Инвектолог А.Ю. Позолотин разработал собственную классификацию инвектив, основанную на выделении определенных понятийных сфер, связанных с полом, возрастом, социальным положением индивида. Ученый предлагает выделять инвективы, характеризующие человека с позиции национальной и расовой принадлежности, профессии, принадлежности к какой-либо социальной группе, места рождения, материального благосостояния, возраста, гендера и др. [6. С. 10–11].

Классификация инвективных заимствований, разработанная в рамках данного исследования, основывается на результатах исследований отечественных лингвистов А.Ю. Позолотина и В.И. Жельвиса. Однако было установлено, что не все инвективные единицы, выявленные в татарском художественном тексте, относятся к тем понятийным сферам, которые были выдвинуты учеными. В связи с этим подобные инвективы были объединены в дополнительные тематические группы, установленные в ходе анализа литературных произведений татарских писателей XX в. К примеру, были добавлены отсылания, а также общие инвективные заимствования. Данные группы отражают специфику инвективной лексики татарского языка. Отметим, что не было выявлено инвективной лексики, относящейся к ругательствам на тему крови, расовой принадлежности, профессии, места рождения, а также богохульства, которые присутствуют в классификациях А.Ю. Позолотина и В.И. Жельвиса.

Таблица 1

Частотность использования инвективных заимствований общего характера в произведениях татарской литературы XX в.

Инвектива	Частотность, %
Черт	29
Подлец	20
Сволочь	20
Сукин сын	12
Каналья	5
Падла	5
Мерзавец	4
Подонок	3
Гад	1
Негодяй	1

Темы, в рамках которых используется инвективная лексика, многообразны. Кроме того, они обладают субъективным оценочным значением. В ходе исследования были выявлены следующие тематические группы инвективных заимствований из русского языка:

I. Самую разнообразную по составу группу составляют инвективные заимствования общего характера, которые не нацелены на критику конкретных черт характера или поведенческих моделей (45%). Данная группа инвектив способствует передаче негативных эмоций по отношению к человеку или ситуации в целом.

Как видно из табл. 1, самой частотной является инвектива *черт*, которая встречается в каждом анализируемом литературном произведении:

Тфу, чортлар! Ахмаklar! [15. С. 46] // Тьфу, черти! Тупицы!

Следует отметить авторское написание данной инвективы, нами были выявлены такие случаи написания инвективы как «чорт», «чурт»:

Ә, чуртым! Белемне аны белергә теләгән кешеләргә генә бирәсе [16. С. 22] // А, черт (букв. мой черт)! Знания нужно давать только тем, кто их хочет получить.

Среди других инвектив данной тематической группы выделяются следующие: *падла, подонок, гад, каналья, сволочь, прохиндей, мерзавец* и др. Данные заимствования отличаются особой грубостью:

Падла, изәм мин сине! [17. С. 110] // Падла, я тебя размажу!

Син, нәрсә, падла! [18. С. 82] // Ты, чего, падла!

Бу подоноклар безнең яңа адресны белергә тиеш түгелләр [18. С. 82] // Эти подонки не должны знать наш новый адрес.

Сволочьлар [18. С. 82] // Сволочи.

Ну, гад, мин сине нишләтәсен белермен алдагы дүшәмбедә, йөрәгемне боздың... [16. С. 11] // Ну, гад, я узнаю, что ты будешь делать в следующий понедельник, испортил мне сердце...

Ах, каналия, Фәтхи дә качкан [19. С. 100] // Ах, каналья, и Фатхи сбежал.

Ах, каналия, ә, ничек эләктергән икән дигән идем [19. С. 119] // Ах, каналья, а, я все задавался вопросом, как его схватил.

Каналья, син үтергәнсең! [20. С. 560] // Каналья, ты убил!

Син, сволочь, һаман явызлыгыңны дәвам иттең [21. С. 191] // Ты, сволочь, все время продолжал свои злодеяния.

Тыныңны чыгарма, сволочь! [22. С. 308] // Не смей подавать голос, сволочь!

«Сволочь» дип безнең заман халкы начар кешеләрне йөрттеләр... [23. С. 144] // Сволочью народ нашего времени называет плохих людей...

Ну и сволочь бу Сабитов! [24. С. 106] // Ну и сволочь этот Сабитов!

Ох, сволочь! Мин синең мондый икәнеңне белгән булсам, мин бит сине инженер итеп тә эшләтми идем [24. С. 306] // Ох, сволочь! Если бы я знал, что ты такой, я бы не дал тебе поработать даже инженером.

Интеллигент сволочь! [24. С. 318]

Килмә артык миңа, сукин сын! [23. С. 139] // Не подходи слишком близко ко мне, сукин сын!

Чынлап та мерзавецлар! [22. С. 261] // Действительно мерзавцы!

Димәк, качканнар, мерзавецлар! [22. С. 274] // Значит, сбежали, мерзавцы!

Мә, подлец! [22. С. 276] // Возьми, подлец!

В ряде татарских литературных произведений инвективные заимствования *черт* и *каналья* используются в междометной функции. Междометная функция предполагает не оскорбление и унижение человеческого достоинства, а эмоциональное восклицание из-за невозможности изменить ситуацию:

К черту! Төкерәм мин сезнең логикагызга! [25. С. 107] // К черту! Плевать я хотел на вашу логику!

Каналья, бик таза икән, тукта, мин балта алып керим [19. С. 40] // Каналья, очень толстая оказывается, подожди, я принесу топор.

Тфу, черт! [20. С. 535]

Черт, ул түгел, менә бу! [20. С. 561] // Черт, не то, вот это!

Фу... черт возьми... [22. С. 141]

Ах, чорт, баян оча икән! – дип, моңсу гына көлемсерәп куйды. [21. С. 198] // Ах, черт, баян летит! – сказал он и грустно улынулся.

Тфу, чурт! [19. С. 78] // Тьфу, черт!

Шундыйларны уйласаң, чорт вәзми, йөрәк әллә нишләп китә! [26. С. 399] // Когда думаешь о таком, черт возьми, с сердцем что-то происходит!

II. Обширной является группа отрицательных номинаций человека с позиции его негативных черт характера, поведенческих особенностей (25%). В татарской литературе инвективные заимствования активно используются в речи героев с целью выражения пренебрежительного отношения и критики различных человеческих пороков:

1. Эгоизм (4,7% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Их, син, эгоист... Эгоист бит син* [25. С. 131] // Эх, ты, эгоист... Ты же эгоист.

2. Наглость и нахальство (9,5% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Нахал, подлец!* [19. С. 99].

Укымышлырак кызлар моны әйткәч безне: “И, оятсыз нахал!” дип матур, назлы итеп сүгәләр иде. [16. С. 30] // Сказав это, более образованные девушки ругали нас красиво и ласково словами «бессовестный нахал».

Син, нахальный бәндә, йә хәзер үк минем белән кирпечкә китәсең, йә мин сине грузчик егетләремә ике яртыны биреп, сөягеңне көл иттереп ташыйм! [21. С. 33] // Ты, нахальный человечиска, либо ты сейчас идешь со мной за кирпичом, либо я даю литр водки своим друзьям-грузчикам и стираю твои кости в порошок!

3. Отсутствие совести (7,1% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Нәрсә, тотылдыңмы, бессовестный!* [27. С. 54] // Что, попался, бессовестный!

4. Интеллектуальные недостатки (59,5% от общего числа инвектив данной тематической группы). С целью отражения данной характеристики татарские писатели используют целый набор заимствований, к примеру *дурак*, *бестолковый*, *болван*, *идиот* и т.д.: *«Вәйт карт дурак!»* *дип каргады ул үзен* [24. С. 66] // «Вот старый дурак!» – ругал он себя.

Дурак! Надан! Дөнья наданы бит син! Бар, күземнән югал! [17. С. 229] // Дурак! Тупица! Ты самый тупой в мире! Иди, скройся с глаз моих!

Парикмахер үзенең соңгы монологын: – Болван! – дип бетерде [23. С. 252] // Парикмахер закончил свой последний монолог словом «болван».

Ярың булса бистолкауай

Талкавайлар гатауай. [17. С. 107] // Если твоя половинка бестолковая, есть готовые толковые.

В ходе анализа было выявлено более 20 случаев употребления инвективы *дурак* в произведениях татарской литературы. Таким образом, данное инвективное заимствование является самым частотным во всех рассматриваемых произведениях. Как видно из табл. 2, частотность применения данной инвективы одинакова в татарской литературе начала и конца XX столетия.

Таблица 2

Частотность употребления инвективы *дурак* в произведениях татарской литературы

Автор	Частотность, %
М. Магдеев	11
Г. Камал	16
Х. Такташ	9
Т. Галиуллин	8
М. Гафури	19
Ф. Садриев	13
Г. Исхакый	2
Н. Гыйматдинова	9
Т. Айди	10
А Гилязов	3

Инвектива *идиот* была обнаружена только в работах писателей второй половины XX в. Т. Айди, М. Магдеева:

Беренчедән, син – ахмак... Икенчедән, син – мәгънәсез, идиот! [16. С. 70] // Во-первых, ты – глупец... Во-вторых, ты – бестолковый, идиот!

Совет офицерын игътибар белән күзәтергә дә онытмаган майор шунда тылмачына: «Идиот!» – дип сугенде [28. С. 154] // Не забывая внимательно наблюдать за офицером совета, майор тут же начал браниться, называя его идиотом.

5. Безответственность и лень (2,4% от общего числа инвектив данной тематической группы): *...тиз генә Иванны монда чакырырга, чтобы өр-яңа гимнастерка-чалбардан, ялтыраган итеклардән булсын... такую-то майть, разгильдйай...* [16. С. 241] // ...быстро позовите сюда Ивана, чтобы он был в гимнастерке и брюках, начищенных сапогах... такую-то мать, разгильдйай...

Неужели сез, вакытыгызны эрәм итеп, шушы бездельник, маразматиклар янына барып йөрисез? [16. С. 370] // Неужели вы будете тратить на это свое время и пойдете к этим бездельникам и маразматикам?

6. Болтливость (3,4% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Ах, Гриша, болтун, кычыткан чыпчыгы.* [18. С. 81] // Ах, Гриша, болтун, зяблик (перен. очень живая женщина невысокого роста).

7. Скандальный характер (4,7% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Эх, син, стерва!* [22. С. 295] // Эх, ты, стерва!

8. Предательство (3,7% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Ах, ты, сволочь, изменник!..* 26. С. 140] // Ах, ты, сволочь, изменник!

9. Распутство (4,7% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Бар, олак, проститутка несчастная!* [24. С. 183] // Уходи, пропади ты пропадом, проститутка несчастная!

Энә бу карт проституттан сора безнең хәлне, – дип миңа күрсәтте дә, Шәриф абыйның ябык күкрәгенә башын салып шашынып елый башлады. [16. С. 212] // Вот спроси у этого старого проститута, как наши дела, – указав на меня, положила голову на худощавую грудь дяди Шарифа и неистово начала плакать.

Данное заимствование было выявлено в более поздних работах XX в., в произведениях начала столетия писатели прибегают к использованию татарских инвективных выражений для осуждения распутства, например: *оятын саткан* (букв. продавшая совесть), *урам кызы* (букв. уличная девка), *идән мунчаласы* (букв. половая тряпка), *урам тастымалы* (букв. уличное полотенце), *урам себеркесе* (букв. уличная метла) и др. Было установлено, что в анализируемой татарской литературе распутство осуждается как в отношении мужчин (50% от общего количества инвективных заимствований данной подгруппы), так и женщин (50% от общего количества инвективных заимствований данной подгруппы).

III. Инвективные заимствования, характеризующие представителей социально неблагополучных групп населения (19%). Особое внимание в татарской культуре и литературе уделяется негативной характеристике воров, мошенников и других представителей социально опасных слоев общества. К примеру, жульничество и мошенничество являются наиболее осуждаемыми видами деятельности в анализируемых произведениях татарских писателей как начала, так и конца XX столетия:

Чистый жулик бит! [17. С. 87] // Он же чистый жулик!

Жулик, билетсыз кергәнсең! [25. С. 60] // Жулик, ты зашел без билета!

Беренче очрашуда ук сезнең вак жулик, шулер, прохиндей икәнегезне аңладым. [29. С. 237] // С самой первой встречи я понял, что вы мелкий жулик, шулер, прохиндей.

Шул жуликкамы? [20. С. 403] // Этому жулику?

Син безгә шул хезмәтмезгә каршы, сезнең бөтен нәселегезне туйдырып торумызга каршы әллә нинди жуликлар сүзенә карап йөрисең! [20. С. 407] // Ты слушаешь каких-то жуликов, которые против нашей работы, против тех, кто кормит весь род!

Молчать, мошенник! [22. С. 106]

Не смей, мошенники! [22. С. 107] // Не смей, мошенники!

Базар корольләре! Шарлатаннар! [23. С. 52] // Базарные короли! Шарлатаны!

Мин синең шикелле шулер түгел. [19. С. 196] // Я не такой шулер как ты.

Наибольшее количество случаев употребления данных инвективных единиц выявлено в драматических произведениях Г. Камала «Бәхетсез егет» («Несчастный юноша»), «Уйнаш» («Распутство»):

Ай, Казан жулигы! [19. С. 36] // Ай, казанский жулик!
Их, брат! Какуй син жулик! [19. С. 37] // Эх, брат! Какой ты жулик!
Какуй син жулик, тотабыз да ватабыз. [19. С. 40] // Какой ты жулик, возьмем да разобьем!

Мин синең шикелле жуликларны бик күп күргән! [19. С. 50] // Я видел много таких жуликов, как ты!

Кая гына куйган соң бу нәгъләт жулик? [19. С. 55] // Куда положил этот проклятый жулик?

Ах, жулик, Фәтхи, ә! [19. С. 100] // Ах, жулик, Фатхи, а!

В татарском художественном тексте негативной оценке также подвергаются представители преступных групп, к примеру человек неодобрительно может называться *бандитом, шпаной, хулиганом, разбойником* и т.д.:

Тукта дим, хулиганка. [29. С. 206] // Стой, говорю, хулиганка.

Ах, разбуйник! [30. С. 86] // Ах, разбойник!

Ах, бәдбәхет, әле һаман тилиграм дим, мәсәлән, алдамакчы буласың бит, ах, разбуйник! Разбуйник булмасаң син, мәсәлән, мөселман белән урысча да сөйләшеп ятмас идең! [30. С. 87] // Ах, злосчастный, говоря, к примеру, телеграмма, хочешь нас обмануть, ах, разбойник! Если бы ты не был разбойником, ты бы не говорил с мусульманином на русском языке!

Вәт шпана! [31. С. 33] // Вот шпана!

Бетле бандитлар! Башыгыз бетсен! [16. С. 38] // Вшивые бандиты! Чтобы голову себе свернули!

Особую группу инвективных заимствований составляют негативные номинации человека как члена фашистской группы. Отметим, что такие заимствования, как *агент гестапо, фашист* и др., отличаются особой резкостью и презрением со стороны героев литературных произведений:

Фашистлар, канэчкекләр, сезгә барыбер бирелмим! [24. С. 175] // Фашисты, кровопийцы, все равно вам не сдамся!

Высказывания, содержащие рассматриваемые инвективные заимствования, выделяются особым накалом в мемуаре М. Магдеева «Ачы тәҗрибә» («Горький опыт»):

Изәм, бетерәм бит мин сине, гестапо агенты! Шпион бит син... майть! Б... буду, сине атып үтермәсәм... [16. С. 12] // Размажу, уничтожу я тебя, агент гестапо! Ты же шпион... мать! Б... буду, если тебя не застрелю...

Башыгыз бетсен, фашистлары, бандитлар, тамагыгызга аркылы килсен минем алмаларым – ул русчаны шактый ватса да, кирәген иркен дәйтә иде, – муеныгыз сынсын, дөмегез, фашистлар! [16. С. 38] // Чтобы голову свернули, фашисты, бандиты, чтобы мои яблоки вам поперек горла встали – несмотря на то, что он говорил на ломаном русском, он мог выразить все, что хотел сказать, – чтобы шею свернули, сдохли, фашисты!

Куясыңмы кулыңны, юкмы, фашист ялчысы, мулла калдыгы, фәлән-фәлән итәм бит! [16. С. 10] // Поставишь свою подпись или нет, слуга фашиста, охвостье муллы, сделаю то и то!

Вышеуказанные примеры инвектив придают описываемой ситуации резкость, категоричность и напряженность.

IV. Инвективная лексика, направленная на отрицательную характеристику человека с точки зрения его возраста (5%). В ходе анализа не было выявлено ни одного случая использования инвективных заимствований из русского языка в отношении старости как объекта осуждения. Основным объектом осуждения является молодость, следовательно, неопытность человека в различных жизненных аспектах. Наиболее употребимыми инвективами в художественной литературе являются *мальчишка*, *молокосос*, *салага* и др.:

Син салага... майть! [16. С. 118] // Ты салага... мать!

В драме классика татарской литературы Г. Камала «Бэхетсез егет» («Несчастный юноша»), а также в комедиях «Безнең шәһәрнең серләре» («Тайны нашего города»), «Көндәш» («Соперница») критике подвергается неопытность героя: *Ах ты, мальчишка!* [18. С. 35]

Мальчишка, күтләк артыннан ияреп, ата-анасын ташилап, байлыкларының кадерен белмичә, монда килеп йөри. [19. С. 58] // Мальчишка, увязался за тем подхалимом, бросил своих родителей, и вместо того, чтобы наслаждаться своим богатством, приходит постоянно сюда.

Бер малакакус, кызыл авызлы нәрсә шунда, өйләнергә килгән. [19. С. 189] // Один молокосос красноротый (букв. нечто с красным ртом) жениться пришел.

Тукта әле, мин ул малакакус малайга кыз сөюнең ни икәннен күрсәтим әле [19. С. 278] // Подожди-ка, я покажу этому молокососу, что значит любить девушку.

Согласно проведенному анализу в произведениях Г. Камала и Ф. Амирхана отмечено одинаковое написание слова *молокосос* – малакакус. Данный вариант написания отражает произношение указанного слова татарами:

Ахмак, малакакус, симеруең эжиткән икән! [19. С. 286] // Тупица, молокосос, совсем разжирел!

...Голәмага әдәпсезлек иткән малакакусларны, шулай итергә кирәк! [20. С. 104] // Так нужно поступать с молокососами, проявившими невоспитанность по отношению к ученым!

Рассмотренные выше примеры иллюстрируют то, что во всех анализируемых произведениях татарской литературы инвективные заимствования используются для отражения неопытности юноши, так как традиционно в татарской этнической культуре молодость и неопытность считаются недостатками для юноши, а не для девушки.

V. Инвективы, характеризующие человека с точки зрения его социального статуса, происхождения, а также его положения в обществе: *аристократ*, *буржуй* и др. (3%). Данная тематическая группа инвективных заимствований не является многочисленной. Отметим, что большая часть инвективных заимствований из русского языка (75% от общего числа инвектив данной тематической группы) была обнаружена в татарском художественном тексте в отношении привилегированных слоев общества:

Тик бер генә тапкыр күтәреп карасын иде халыкка, аристократ! [25. С. 11] // Хотя раз бы он поднялся со своего места и взглянул на народ,

аристократ! (Перевод текстовых фрагментов здесь и далее выполнен автором статьи.)

Ах, буржуй!.. – дип берсен-берсе контрлыкты гаепләителәр [23. С. 254] // Ах, буржуй!.. – так обвиняли они друг друга в контрреволюционных действиях.

Осуждению могут подвергаться не только представители высшего класса общества, но и люди деревенского происхождения (25% от общего числа инвектив данной тематической группы). К примеру, в произведении М. Магдеева «Ачы тэжрибә» («Горький опыт») инвектива *колхозник* указывает на низкий уровень социального положения героя:

Ни фәланемә дип аракылы әсиргә керәсең син? Колхозник, ... майть! [16. С. 118] // Какого лешего ты заходишь в те места, где есть водка? Колхозник, ... мать!

Данное инвективное высказывание персонажа усиливается последующим заимствованием *майть* (мать) в авторском написании, сопровождающееся многоточием, что свидетельствует о крайней степени эмоциональной возбужденности героя.

Таким образом, результаты квантитативного анализа свидетельствуют о том, что выявленные в художественном тексте инвективные заимствования в меньшем объеме используются для критики людей более низкого происхождения.

VI. Отсылания представляют собой незначительную группу инвективных заимствований (2%). Отсылания являются средством выражения крайней степени эмоционального накала. Были обнаружены два примера использования отсыланий в речи героев в ходе анализа татарских произведений:

Пошел ты к чорту! [21. С. 29]

Йөрәгем начарланды, кул куясызмы теге кагазьгә, юкмы, куймасагыз ... иләп йөрмәгез, алдагы дүшәмбедә барыбер сытам мин сезне, идите к... матери, – дип чыгарып әсиргән. [16. С. 11] // Моему сердцу стало плохо, вы поставите подпись на ту бумагу или нет, если не поставите, то не увиливаете, в ближайший понедельник я все равно вас раздавлю, идите к... матери, – с этими словами он нас выставил. Отметим, что частотность использования отсыланий в бытовом дискурсе значительно превышает показатели их употреблений в художественном тексте.

VII. Небольшую группу заимствований из русского языка составляют инвективные единицы, характеризующие человека с позиции его национальной принадлежности (1%). В анализируемых работах татарских авторов был выявлен лишь один случай инвективного заимствования. К примеру, в документальной повести Т. Галиуллина «Замана балалары» («Дети своего времени») обнаружено инвективное заимствование *поганый татарин*:

...«поганый татарин» әселегенән сурылган нефть алып килде [32. С. 217] // ...он привез нефть, высосанную из мозга «поганого татарина».

В рамках разных тематик выделяются метафорические единицы, которые выполняют экспрессивно-оценочную функцию в художественном тексте. Исследователь А.Г. Файзуллина отмечает, что метафоры являются од-

ним из преобладающих и наиболее эффективных способов образования инвектив в татарском языке, что детерминировано наличием в ее структуре образного компонента. В основе метафорического переноса лежит сравнение человеческих качеств с теми объектами, которые татарская культура наделяет отрицательными характеристиками [33. С. 94]. Набор отрицательных характеристик, в свою очередь, определяется социумом на протяжении всего исторического развития. Следовательно, метафорический перенос способствует раскрытию особенностей видения мира татарским народом, их национального сознания. Таким образом, инвективные метафорические номинации человека раскрывают и отражают ценности татарского этноса, связанные с характерными чертами представителей данной культуры.

В рамках исследования было выявлено, что в татарской художественной литературе XX в. метафоризации подвергаются объекты окружающего мира. В работах татарских писателей из русского языка заимствуются лексические единицы, связанные с тематикой болезни, например: *язва, зараза, паразит*. Данный факт обусловлен негативным отношением общества к данным болезням, следовательно, и к людям, носителями которых они являются.

Ә тарих укытучысы, тарих укытучысы! Шырпы! Язва! [25. С. 237] // А учитель истории, учитель истории! Спичка! Язва!

«Заразалар», – дип тә өстәде. [18. С. 61] // «Заразы», – еще добавил он.

«Әйтмим» дигән иде бит, вот зараза хатын... [34. С. 131] // Она же говорила, что не скажет, вот женщина зараза...

Анасы котыртты, паразит, эш рәтен белмисең, дип бәйләнде [21. С. 202] // Его мать подстрекала его, привязалась к нему со словами, что он паразит, не знает, как надо работать.

Особое место среди метафор занимают инвективы, основанные на сравнении с представителями животного мира. Каждый народ приписывает животным определенные негативные характеристики и ассоциации, которые впоследствии переносятся на человека. Данные характеристики могут варьироваться в разных культурах, что определяет национальное своеобразие инвективной метафоры. В татарской литературе герои активно используют зоосравнения и зоометафоры для выражения презрения, критики по отношению к оппонентам. Наиболее частотными являются *дуңгыз* 'свинья', *сарык* 'баран', *эт* 'собака', *ишәк* 'осел', *бозау* 'теленок', *сыер* 'корова' и др. В речи героев татарских произведений звучат такие инвективные заимствования с компонентом-зоонимом, как *собака, зверь* и др.:

Нахал, собака! [19. С. 99]

Ги, зверь! [19. С. 213] // Хи, зверь!

В повести «Мәхәббәт һәм нәфрәт турында хикәят» («Сказание о любви и ненависти») А. Гилязов использует иное написание слова зверь – збир, таким образом придавая татарское звучание слову и приближая речь героя к разговорному речевому потоку:

Бу шуларның збиренең збире! [31. С. 151] // Это их зверский зверь!

В результате анализа работ татарских писателей был установлен только один случай использования инвективных заимствований, содержащий название птиц. В произведении Н. Гыйматдиновой «Бер тамчы ярату» («Одна капля любви») инвектива *курица* используется в отношении женщины, придавая высказыванию общий оскорбительный оттенок:

Синнән сорамыйлар, курица! [34. С. 209] // У тебя не спрашивают, курица!

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что инвективные заимствования, основанные на метафоре, придают речи героев дополнительную яркость и выразительность, эмоционально отражая характер и поведение человека. Также прослеживается ключевое значение контекста в использовании инвективной лексики и фразеологии. Контекст способствует распознаванию степени и полюса эмоциональности высказывания.

Результаты и выводы

В результате исследования было установлено 166 инвективных заимствований из русского языка в татарском художественном тексте. Данное количество объясняется фактом тесного взаимодействия двух языков на территории Республики Татарстан, а также функцией русского языка как проводника культуры.

Были выявлены тематические группы заимствований инвективной лексики в татарской литературе XX в. Основные темы инвективных заимствований представлены в табл. 3 (порядок от наиболее частотных заимствований к наименее частотным).

Таблица 3

Тематические группы заимствований инвективной лексики в татарской литературе XX в.

Темы инвективных заимствований	Частотность появления в художественном тексте
Общие инвективные заимствования	45
Отрицательные черты характера и поведения	25
Социально неблагополучные группы	19
Возрастные характеристики	5
Социальный статус, происхождение	3
Отсылания	2
Национальная принадлежность	1

На основе количественного анализа был определен наиболее употребительный состав инвектив в речи героев татарских произведений XX в. Результаты представлены в табл. 4.

Также в результате исследования были выявлены инвективные заимствования, предпочитаемые каждым конкретным автором. Результаты указаны в табл. 5.

Таблица 4

**Наиболее употребительные заимствования инвективной лексики
в татарской литературе XX в.**

Инвективные единицы	Частотность появления в художественном тексте
Дурак	24
Черт	20
Сволочь	14
Жулик	12
Подлец	10

Таблица 5

Наиболее предпочитаемые авторами заимствования инвективной лексики

Автор	Инвектива	Частотность появления в работе писателя
М. Магдеев	Черт	10
Г. Камал	Черт	9
Х. Такташ	Сукин сын	8
Т. Галиуллин	Сволочь	7
Ф. Бурнаш	Мерзавец	5
М. Гафури	Дурак	4
Ф. Амирхан	Подлец	5
Ф. Садриев	Сволочь	6
Г. Ахунов	Черт	4
Г. Исхакый	Жулик	3
Н. Гыйматдинова	Дура	4
Т. Айди	Идиот	2
Г. Тукай	Черт	2
А. Гилязов	Дурак	3

Данные, указанные в таблице, подтверждают то, что для каждого писателя характерна свойственная ему парадигма инвективных средств.

Результаты анализа свидетельствуют, что литературные герои чаще всего используют инвективные заимствования из русского языка в первую очередь для выражения отрицательного отношения к другому человеку и критики его особенностей характера или поведенческих черт, что является основной целью инвективы в речи. Меньше всего представлена тематика национальной принадлежности и отсыланий, что обусловлено предрасположенностью татарского народа к использованию не заимствованной лексики, а инвективных единиц родного языка.

Заключение

Полученные результаты исследования, посвященного анализу инвективных заимствований в татарских произведениях, позволили сделать ряд выводов.

В каждом проанализированном литературном произведении в том или ином объеме представлены инвективные заимствования из русского языка. Данный факт обусловлен тем, что татарский и русский языки являются контактирующими на территории Республики Татарстан. Результаты сравнительно-сопоставительного анализа свидетельствуют о том, что объем используемых заимствований не изменяется в татарской литературе на протяжении века. Состав инвективных заимствований незначительно различается в работах начала и конца XX в. Так, не было выявлено случаев употребления таких инвектив, как *надла*, *идиот*, *негодяй* и др., в речи героев начала XX в. Определенные инвективные заимствования отличаются особой частотой упоминания в тексте. К примеру, такие инвективы, как *черт* и *дурак*, используются в речи персонажей всех анализируемых произведений. На наш взгляд, это объясняется тем, что данные лексические единицы являются наиболее универсальными и применимы к большинству ситуаций.

Обращает на себя внимание такая особенность, как изменение некоторыми татарскими писателями написания определенных заимствованных инвектив. Например, слова *черт*, *собака*, *зверь*, *молокосос*, *бестолковый*, *каналья* и др., имеют различное написание в художественном тексте, что придает дополнительную эмоциональность и приближает речь персонажей к живому разговорному языку.

Проанализированные инвективные заимствования отличаются широким диапазоном функций. В ходе исследования было установлено, что помимо оскорбления и выражения негативного отношения к другим героям заимствованная инвектива может использоваться в междометной функции, т.е. для выражения досады по поводу неспособности исправить ситуацию, описываемую в художественном тексте.

Наконец, особую роль в определении отрицательной оценочности играет контекст, благодаря которому любое слово может приобретать негативную окраску и использоваться в инвективной функции.

В заключение необходимо отметить, что высказывания, содержащие инвективные заимствования, насыщают речь героев эмоциями и способствуют более точному и понятному для читателя выражению чувств по отношению к оппоненту или ситуации.

Список источников

1. *García Ruiz C.* Diccionario de insultos y piropos. Madrid : Agencia Española de la Propiedad Intelectual, 1992. 173 p.
2. *De Dios Luque J., Pamies A., Manjón J.F.* Diccionario del insulto. Barcelona : Península, 2017. 488 p.
3. *Pfeiffer H.* Das große Schimpfwörterbuch. München : Heyne Verlag, 1996. 560 s.
4. *Rawson H.A.* Dictionary of Invective: A Treasury of Curses, Insults, Put-downs and Other Formerly Unprintable Terms from Anglo-Saxon Times to the Present. Robert Hale Ltd, 1991. 435 p.
5. *Заворотничева Н.С.* Пути формирования инвективной лексики (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка) // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 30–37.

6. *Позолотин А.Ю.* Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.
7. *Королева О.П.* Эмоционально-оценочная энантиосемия инвективных оценочных номинаций // *Res philologica*. Архангельск, 2002. Вып. 3. С. 96–98.
8. *Михалькова Е.В.* Прагматика и семантика инвективы в массмедийном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 21 с.
9. *Исаев Ю.Н.* Чувашские эмотивные антропосемизмы. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 157 с.
10. *Русских Т.Н.* Коммуникативное поведение современных удмуртов / науч. ред. Е.В. Попова. Ижевск : АлкиД, 2019. 268 с.
11. *Галиуллина Г.Р.* Татар сөйләм телендә зоологик лексиканың семантик үзенчәлекләре // *Turkic linguistics in the XXI century: lexicology and lexicography* : материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань, 2019. С. 67–69.
12. *Тагирова Ф.И., Вахитова Д.К.* Специфика функционирования инвективных единиц в татарском и удмуртском языках // *Актуальные проблемы татарской филологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции 12 декабря 2014 г.* / отв. ред. И.Ф. Зарипова. Уфа, 2014. С. 169–175.
13. *Ахунзянов Э.М.* Общее языкознание. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981. 256 с.
14. *Жельвис В.И.* Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 2001. 349 с.
15. *Тукай Г.* Сайланма әсәрләр: Ике томда. I т. Казан : Татгосиздат, 1953. 321 б.
16. *Мәһдиев М.С.* Ачы тәҗрибә: Истәлекләр. Казан : Тат. кит. нәшр., 1993. 384 б.
17. *Мәһдиев М.С.* Сайланма әсәрләр. Казан : Тат. кит. нәшр., 2009. 480 б.
18. *Галиуллин Т.Н.* Замана балалары: истәлекләр, уйланулар. Казан : Тат. кит. нәшр., 1993. 224 б.
19. *Камал Г.* Әсәрләр, өч томда. Т. 1: Пьесалар. Казан : Тат. кит. нәшр., 1978. 408 б.
20. *Исхакий Г.* Зиндан. Сайланма проза һәм сәхнә әсәрләре. Төзүчесе, текст һәм искәрмәләренә хәзерләүче Л. Гайнанова, кереш һәм ахыр сүз авторлары И. Нуруллин, Н. Мәхмүтов, Л. Гайнанова. Казан : Тат. кит. нәшр., 1991. 671 б.
21. *Ахунов Г.* Акча күктән яумый: повестьлар, хикәяләр, очерклар, сәнгать парчалары. Казан : Тат. кит. нәшр., 1993. 288 б.
22. *Бурнаш Ф.* Яшь йөрәкләр. Пьесалар, шигырьләр, поэмалар. Казан : Тат. кит. нәшр., 1969. 376 б.
23. *Такташ Н.* Әсәрләр. Казан : Татгосиздат, 1942. 367 б.
24. *Садриев Ф.* Бәхетсезләр бәхете: Роман. Казан : Тат. кит. нәшр., 2005. 351 б.
25. *Мәһдиев М.С.* Фронтвиклар: роман. Икенче басма. Казан : Тат. кит. нәшр., 1988. 340 б.
26. *Гафури М.* Әсәрләр: Дүрт томда. 4 т. Совет чоры прозасы. Казан : Тат. кит. нәшр., 1981. 496 б.
27. *Мәһдиев М.С.* Кеше китә – жыры кала // Казан утлары. 1978. № 11. С. 7–70.
28. *Әйди Т.* Иблискә ришвәт. Роман. Казан : Аваз, 2000. 376 б.
29. *Галиуллин Т.Н.* Мәкер: повестьлар һәм хикәяләр. Казан : Тат. кит. нәшр., 2008. 302 б.
30. *Әмирхан Ф.* Повестьлар, хикәяләр. Ике томда. Т. 1. Казан : Таткнигоиздат, 1957. 400 б.
31. *Гыйләҗев А.* Мәхәббәт һәм нәфрәт турында хикәят: повестьлар. Казан : Тат. кит. нәшр., 1976. 264 б.
32. *Галиуллин Т.Н.* Тәүбә: роман. Казан : Татар. кит. нәшр., 1997. 240 б.

33. Файзуллина А.Г. Метафорика инвективных композитов концепта «человек» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 4. Пенза, 2008. С. 90–97.

34. Гыйматдинова Н. Бер тамчы ярату: Повестьлар, хикәяләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 2006. 351 б.

References

1. García Ruiz, C. (1992) *Diccionario de insultos y piropos*. Madrid: Agencia Española de la Propiedad Intelectual.

2. De Dios Luque, J., Pamies, A. & Manjón, J.F. (2017) *Diccionario del insulto*. Barcelona: Península.

3. Pfeiffer, H. (1996) *Das große Schimpfwörterbuch*. München: Heyne Verlag.

4. Rawson, H.A. (1991) *Dictionary of Invective: A Treasury of Curses, Insults, Put-downs and Other Formerly Unprintable Terms from Anglo-Saxon Times to the Present*. London: Robert Hale Ltd.

5. Zavorotishcheva, N.S. (2010) Puti formirovaniya invektivnoi leksiki (na materiale pireneiskogo natsionalnogo varianta ispanskogo yazyka i amerikanskogo natsionalnogo varianta angliiskogo yazyka) [Ways of forming invective vocabulary (based on the Pyrenean national variant of Spanish and the American national variant of English)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. 3. pp. 30–37.

6. Pozolotin, A.Y. (2005) *Invektivnye oboznacheniya cheloveka kak lingvokulturnyi fenomen* [Invective designations of a person as a linguocultural phenomenon]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

7. Koroleva, O.P. (2002) Emotsionalno-otsenchnaya enantiosemiya invektivnykh otsenochnykh nominatsii [Emotionally evaluative enantiosemy of invective evaluative nominations]. *Res philologica*. 3. pp. 96–98.

8. Mikhalkova, E.V. (2009) *Pragmatika i semantika invektivy v massmediinom diskurse* [Pragmatics and semantics of invective in mass media discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen.

9. Isaev, Y.N. (2006) *Chuvashskie emotivnye antroposemizmy* [Chuvash emotive anthroposemisms]. Cheboksary: Chuvash State University.

10. Russkikh, T.N. (2019) *Kommunikativnoe povedenie sovremennykh udmurtov* [Communicative behavior of modern Udmurts]. Izhevsk: Alkid.

11. Galiullina, G.R. (2019) Tatar söyläm telendä zoologichesk leksikanın semantik üzenchäleklär [Semantic features of zoological vocabulary in Tatar spoken language]. *Turkic linguistics in the XXI century: lexicology and lexicography*. Proceedings of the International Conference. Kazan. pp. 67–69.

12. Tagirova, F.I. & Vakhitova, D.K. (2014) [The specifics of the functioning of invective units in Tatar and Udmurt languages]. *Aktualnye problemy tatarskoi filologii* [Current issues of Tatar philology]. Conference Proceedings. Ufa. pp. 169–175. (In Russian).

13. Akhunzyanov, E.M. (1981) *Obshchee yazykoznanie* [General linguistics]. Kazan: Kazan Federal University.

14. Zhel'vis, V.I. (2001) *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsialnaya problema v yazykakh i kulturakh mira* [The field of abuse: Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow: Ladomir.

15. Tukai, G. (1953) *Saylanma äsärlär: Ike tomda* [Selected works: In two volumes]. Vol. 1. Kazan: Tatgosizdat.

16. Mähdiev, M.S. (1993) *Achy täjribä: İstäleklär* [Bitter experience: Memoirs]. Kazan: Tat. kit. nashr.

17. Mähdiev, M.S. (2009) *Saylanma äsärlär* [Selected works]. Kazan: Tat. kit. nashr.

18. Galiullin, T.N. (1993) *Zamana balalary: İstäleklär, uylanular* [Children of the era: Memoirs, reflections]. Kazan: Tat. kit. nashr.

19. Kamal, G. (1978) *Äsärlär, öch tomda* [Works, in three volumes]. Vol. 1. Kazan: Tat. kit. nashr.
20. Iskhaky, G. (1991) *Zindan. Saylanma proza häm säxnä äsärläre* [Prison. Selected prose and dramatic works]. Kazan: Tat. kit. nashr.
21. Akhunov, G. (1993) *Akcha kükten yaumy: povestlar, hikäyälär, ocherklar, sänghät partchalary* [Money doesn't fall from the sky: Novellas, stories, essays, artistic fragments]. Kazan: Tat. kit. nashr.
22. Burnash, F. (1969) *Yash yöräklär. Pyesalar, shigyrlär, poema* [Young hearts. Plays, poems, a poem]. Kazan: Tat. kit. nashr.
23. Takhtash, H. (1942) *Äsärlär* [Works]. Kazan: Tatgosizdat.
24. Sadriev, F. (2005) *Bäkhetezlär bähete: Roman* [The happiness of the unhappy: A novel]. Kazan: Tat. kit. nashr.
25. Mähdiev, M.S. (1988) *Frontoviklar: roman. Ikenche basma* [Frontline soldiers: A novel. Second edition]. Kazan: Tat. kit. nashr.
26. Gafuri, M. (1981) *Äsärlär: Dürt tomda* [Works: In four volumes]. Vol. 4. Kazan: Tat. kit. nashr.
27. Mähdiev, M.S. (1978) Keshe kitä – журу kala [The man leaves, the song remains]. *Kazan utlary*. 11. pp. 7–70.
28. Äydi, T. (2000) *Ibliskä rishvät. Roman* [A bribe to the devil. A novel]. Kazan: Avaz.
29. Galiullin, T.N. (2008) *Mäker: povestlar häm hikäyälär* [Cunning: Novellas and stories]. Kazan: Tat. kit. nashr.
30. Ämirkhan, F. (1957) *Povestlar, hikäyälär. Ike tomda* [Novellas, stories. In two volumes]. Vol. 1. Kazan: Tatknigoizdat.
31. Gyläzhev, A. (1976) *Mähhäbbät häm näfrät turynda hikäyat: povestlar* [A tale of love and hate: Novellas]. Kazan: Tat. kit. nashr.
32. Galiullin, T.N. (1997) *Täübä: roman* [Repentance: A novel]. Kazan: Tatar. kit. nashr.
33. Fayzullina, A.G. (2008) Metaforika invektivnykh kompozitov kontsepta "chelovek" [Metaphorics of invective composites of the concept "person"]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 4. pp. 90–97.
34. Gymatdinova, N. (2006) *Ber tamchy yaratu: Povestlar, hikäyälär* [A drop of love: Novellas, stories]. Kazan: Tat. kit. nashr.

Информация об авторе:

Вахитова Д.К. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского государственного архитектурно-строительного университета (Казань, Россия). E-mail: dilik15@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.K. Vakhitova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan, Russian Federation). E-mail: dilik15@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.07.2023;
одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 26.03.2025.*

*The article was submitted 03.07.2023;
approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication 26.03.2025.*